ТЕОДОР ГЛАДКОВ

ИСКУССТВО РАЗВЕДКИ

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ

СПЕЦАГЕНТ № 1

«Николай Кузнецов – скальпель в руках опытного хирурга для удаления фашистских наростов. А «хирург» этот – 4-е управление».

генерал П. А. Судоплатов

Искусство разведки

Теодор Гладков

Николай Кузнецов. Спецагент № 1

«Алисторус»
2026

УДК 355.40
ББК 668.23-2:63.3(2)622

Гладков Т. К.

Николай Кузнецов. Спецагент № 1 / Т. К. Гладков — «Алисторус», 2026 — (Искусство разведки)

ISBN 978-5-00269-306-1

Герой Советского Союза Николай Кузнецов, он же «Колонист», Грачев, «Пух», Пауль Зиберт, вошел в историю тайных операций как талантливый контрразведчик, удачливый разведчик и хладнокровный ликвидатор. О нем написано более 20 книг и создано 10 музеев, посвященных ему. Несмотря на все это в его биографии осталось множество «белых пятен». Писатель и историк Теодор Гладков более 40 лет изучал подробности его жизни. В своей книге он рассказывает о неизвестных страницах биографии советского легендарного спецагента № 1. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355.40
ББК 668.23-2:63.3(2)622

ISBN 978-5-00269-306-1

© Гладков Т. К., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Пролог 6
Часть первая 7
Глава 1 7
Глава 2 19
Глава 3 29
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Теодор Гладков
Николай Кузнецов. Спецагент № 1

© Гладков Т. К., правообладатели, 2026.
© ООО «Издательство Родина», 2026

Пролог

Размеренным шагом, неторопливо он шел по Дойчештрассе – главной улице Ровно, обычный пехотный обер-лейтенант с Железным крестом первого класса и «Золотым знаком отличия за ранение» на груди, ленточкой Железного креста второго класса, продернутой во вторую петлю френча, в лихо сдвинутой набекрень пилотке. На безымянном пальце левой руки поблескивал золотой перстень с монограммой на печатке. Приветствовал старших по званию четко, с достоинством, чуть небрежно козырял в ответ солдатам.

Самоуверенный, спокойный хозяин оккупированного украинского города, само живое олицетворение дотоле победоносного вермахта.

Обер-лейтенант Пауль Вильгельм Зиберт.

Он же «Пух».

Он же Рудольф Вильгельмович Шмидт.

Он же Николай Васильевич Грачев.

Он же «Колонист».

Он же Николай Иванович Кузнецов.

Советский разведчик и партизан.

Часть первая

Глава 1

В списке населенных мест Камышловского уезда Пермской губернии, составленном на 1908 год, о родной деревне Николая Кузнецова сказано: «Деревня Зырянская расположена в трех верстах от ближайшей церкви и библиотеки в селе Балаир; в 93 верстах от уездного города Камышлова, в 19 верстах от ближайшей железнодорожной станции, почтовой конторы, телеграфа. Число дворов – 84. Население: мужчин – 202, женщин – 194, бывшие государственные крестьяне, православные и раскольники, русские».

Урал в последующие за революцией два десятилетия неоднократно подвергался новому административно-территориальному переделу. Ныне деревня Зырянка относится к Талицкому району Свердловской области.

Отец героя нашей книги Иван Павлович Кузнецов – один из 202 упомянутых русских крестьян мужского пола – был в деревне человеком приметным. Действительную службу – долгих семь лет – он проходил не где-нибудь, а в самом столичном граде Санкт-Петербурге в гренадерском полку. Служил добросовестно, за меткую стрельбу, в частности, пожалован был серебряным рублем, часами и голубой кружкой с портретами молодых царя и царицы под сенью двуглавого российского орла.

Вернувшись со службы, Иван Павлович женился на местной девушке Анне Петровне Баженовой.

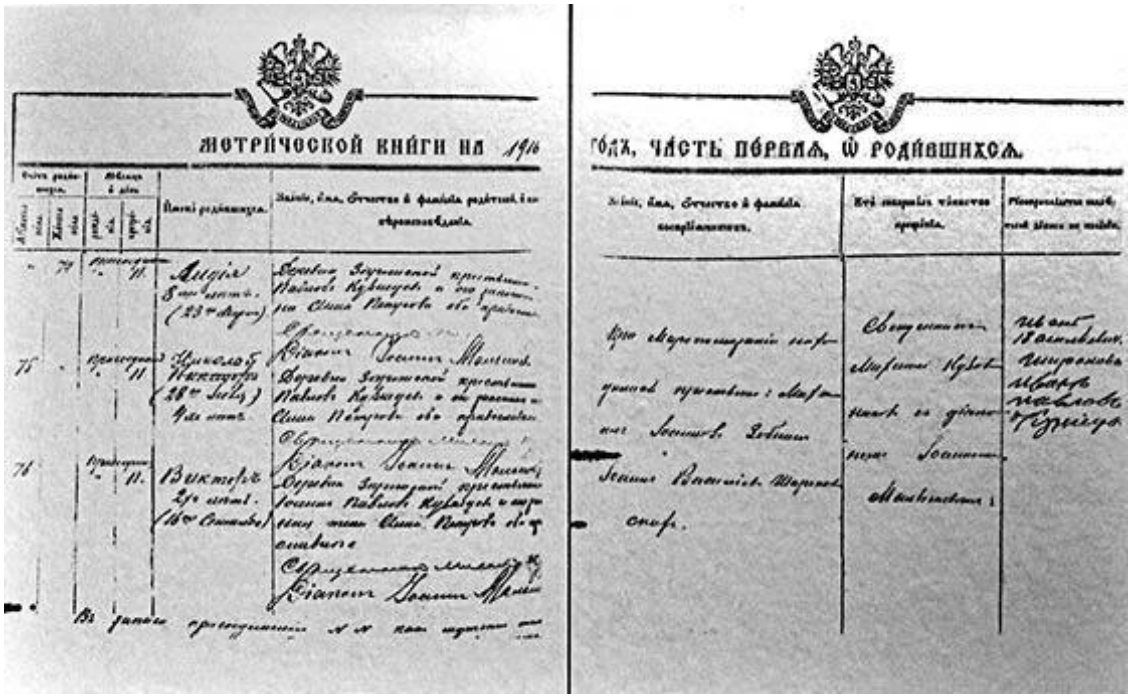
Деревня Зырянка застроилась вдоль невеликой речушки Березовки, трижды образующей, благодаря плотинам, небольшие пруды. Напротив среднего и поставлена была изба Кузнецовых. Иван Павлович обладал природным умом и хозяйственной хваткой, был к тому же человеком трудолюбивым, любознательным и склонным в крестьянском занятии к новациям. Когда-то таких земледельцев – самостоятельных и пытливых – называли опытниками. Иначе говоря, он не довольствовался столетиями сложившимися традициями мужицкого сельского хозяйствования, но внедрял на уральской земле все то новое, что постигал из книг и журналов, выглядывал в других местах, а то и доходил своим умом. Одним из первых в волости Кузнецов ввел в севооборот кормовые травы, прежде всего – клевер, использовал удобрения, купил металлический плуг современной конструкции и повел зяблевую вспашку почвы, устроил пасеку. Окрепнув же, активно участвовал в создании кредитного товарищества и потребительского общества. Немудрено, что в небогатой округе хозяйство Кузнецовых к войне с германцами считалось уже зажиточным. Обстоятельство это – казалось бы, только тому и радоваться, – впоследствии едва не сыграло в жизни семьи роковую роль.

Первыми детьми в молодой семье стали девочки Агафья и Лидия. Надо отметить, что, в отличие от многих односельчан, Иван Павлович всегда твердо желал, чтобы дети его получили образование, и не делал в том различия между дочерьми Агафьей и Лидией и появившимися вслед за ними сыновьями Никанором и Виктором. Старшая дочь, по-домашнему Гася, еще до революции успела закончить в Камышлове пять классов женской гимназии, что давало право стать сельской учительницей, каковой и проработала всю жизнь, сначала в родной деревне, а потом и в других местах.

Третий ребенок в семье Кузнецовых появился на свет 27 июля 1911 года и наречен был Никанором, по-домашнему Никой, или Никошей. Следует сразу предупредить, что в биографии Николая Кузнецова по сей момент еще много неясностей, и первая связана как раз с днем и годом его рождения. Дело в том, что Иван Павлович был из старообрядцев (по приведенному выше «описанию» – раскольников) и многих обрядов официальной православной церкви не

признавал, да и вообще, в отличие от богомольной Анны Петровны, был почти что нерелигиозен, а потому детей своих не крестил. Как известно, церковь в дореволюционной России от государства не была отделена, и когда в 1916 году старшей дочери Агафье потребовалась метрика, то ее, а заодно и остальных троих детей, приобщили к церкви особым обрядом. Не слишком грамотный местный священнослужитель при этом так замысловато сделал запись, что не только день, но и год рождения Никанора можно было трактовать с расхождениями. В результате и двадцать лет спустя в некоторых документах Кузнецова проставлен год рождения – 1912, встречаются расхождения даже в его собственных письмах родным и друзьям.

Как бы то ни было, по официальным документам позднейшей поры, а также воспоминаниям сестры Лидии и брата Виктора, полагать днем рождения Николая Кузнецова следует именно 27 июля 1911 года.

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ НА 1916

ГОДЪ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, О РОДИВШИХСЯ.

Запись о рождении Никанора Кузнецова в метрической книге.

Второй неясностью в биографии будущего разведчика стала история с его именем. Как мы уже знаем, родители нарекли его Никанором. Имя это мальчику почему-то не нравилось. Подростком он предпочитал называть себя Николаем, но когда официально поменял имя, в точности неизвестно. В комсомольских документах, относящихся к началу 1930 года, он значится Никанором, а в 1931-м – уже Николаем. Паспортов тогда еще в нашей стране не существовало. Паспортная система с обязательной пропиской начала вводиться в СССР лишь в 1932 году, выдавались новые документы жителям городов не одновременно, и к тому же – не всем. Жесткая сталинская реформа, означавшая на деле установление поголовного контроля за каждым гражданином страны, крестьян оставила без паспортов, то есть приковала к колхозам, лишила их права свободно избирать место жительства. Кузнецов к тому времени был уже горожанином. Покидая Кудымкар и перебираясь в Свердловск, он имел на руках паспорт на имя Николая.

Отец Николая Кузнецова.

Родители Николая Кузнецова. 1914 год.

Первой учительницей Ники стала старшая сестра Гася. С ее помощью крепкий и шустрый сероглазый мальчуган научился бегло читать, а затем и писать уже в шесть лет. С этого же возраста он навсегда пристрастился к чтению. Иван Павлович грамотой владел не свободно, но книги, хоть и немногие, в доме держал. Относились к ним с особой уважительностью, даже почтительностью. Их берегли, раскрывали, предварительно вымыв руки, с некоторой торжественностью и читали долгими вечерами вслух, неспешно, так, что каждая перевернутая страница откладывалась в памяти мальчика глубоко и надолго. Не только читали, но и рассказывали сказки и старинные предания, в частности, Иван Павлович любил все, связанное с ратной историей русского народа, от сказаний о былинных богатырях до солдатских притч о геройских защитниках Севастополя. И не случайно, по воспоминаниям родных, первым стихотворением, которое запомнил наизусть Ника Кузнецов, уже тогда отличавшийся необычной памятью, стало «Смерть Сусанина» – героическая песнь патриота, поэта и революционера Кондратия Рылеева.

И уж тем более не случайно, что и «Смерть Сусанина», и лермонтовское «Бородино» тридцатилетний Кузнецов не раз декламировал в глубоком тылу гитлеровцев товарищам по отряду возле партизанского костра…

Ныне традиция семейного чтения вслух в России, и на селе, и тем более в городе, утрачена безвозвратно. А жаль. Конечно, беглое чтение про себя позволяет воспринять гораздо

большее количество информации. Но чтение вслух значительно сильнее воздействует на чувства маленьких слушателей, пробуждает их фантазию, живость воображения, развивает слуховую память. Не говоря о том, что само это занятие сближает родителей и детей, братьев и сестер, укрепляет семейные узы.

Само собой разумеется, что все юные Кузнецовы, как заведено было испокон веков, сызмальства приучались к труду – и в хозяйстве, и по дому. Посильному, но обязательно полезному и целесообразному. Обязанности каждого не определялись как-то специально отцом или матерью, но складывались сами собой, в соответствии с вековым укладом деревенской жизни, полом и возрастом.

Мировая война обошла стороной дом Кузнецовых. Как единственный кормилец семьи Иван Павлович мобилизации ни по какому разряду не подлежал. Иначе сложилось с ним в войну гражданскую.

Советская власть после Октября просуществовала на Урале и в Сибири недолго. Первый удар по ней нанес атаман Дутов, затем последовал чехословацкий мятеж, а в ноябре 1918 года здесь повсеместно установилась жестокая диктатура «Верховного правителя Российского государства» адмирала Колчака.

Местным крестьянам тоже довелось полной и горькой мерой узнать, что такое белый террор. Неподалеку от Зырянки расположено волостное село Балаир. Многие зырянцы и балаирцы связаны узами родства и свойства. Сюда летом 1918 года ворвался отряд казаков-карателей. Под плач детей и женщин выволокли из домов сельских активистов и сочувствующих советской власти. Шестерых порубили шашками на людях. Среди казненных был и свойственник Кузнецовых – муж тетки со стороны матери Иосиф Васильевич Дерябин, дядя Ося. Похороны жертв в братской могиле на всю жизнь запомнил потрясенный и напуганный Ника, которому только-только исполнилось семь лет.

Власть омского правителя длилась в Зауралье недолго. Уже через год под ударами Красной Армии белогвардейские войска покатились на восток. Колчаковцы орудовали на временно захваченной ими земле не только огнем и мечом, но и словом. Потерявшим в круговерти гражданской войны ориентацию людям твердили, что красные разоряют хозяйства, отбирают скот, грабят, насилуют. Тяжко жилось трудовому крестьянству под Колчаком, но перемена власти все же пугала именно потому, что измученные люди уже ничего хорошего ни от каких перемен, ни от какой власти не ждали.

Даже знаменитый Декрет о земле, который привлек на сторону советской власти крестьянские массы Центральной и Южной России, Украины, Белоруссии, здесь особой роли не сыграл: местное крестьянство никогда безземельным не было, а после столыпинских реформ каждый хозяин мог получить фактически такой надел, какой был в состоянии обработать.

Как бы то ни было, поддался общим тревожным настроениям и Иван Павлович Кузнецов. И винить его в том никак нельзя, можно только посочувствовать и ему самому, и семье его.

Увидев в потоке беженцев, уходивших на восток, подводы знакомых крестьян из соседней деревни, Иван Кузнецов собрал домашний скарб и двинулся в сторону Тюмени…

Курс «гражданской академии», как потом говорил сам Иван Павлович, закончился для него быстро. Колчаковцы, уходя от наседавших красных частей, открыто начали грабить мирное население. Отобрали лошадей и у Кузнецовых.

Единственный класс начальной школы. Учитель жил здесь же, в соседней комнатке.

Ивану Павловичу довелось пройти на восток аж до самого Красноярска. На сей раз в составе Пятой армии Восточного фронта, которой командовали вначале Михаил Николаевич Тухачевский, а затем Генрих Христофорович Эйхе. Кузнецов участвовал в боях против колчаковцев, перенес сыпной тиф, а в марте 1920 года, как достигнувший сорокапятилетнего возраста, был «во исполнение приказа войскам 5-й армии, уволен в первобытное состояние».

Наконец Иван Павлович вернулся в родную деревню и начал восстанавливать разоренное хозяйство.

Учиться Ника Кузнецов начал в 1918 году – в родной деревне, где имелась начальная земская школа. Потом, как мы знаем, был перерыв. Во второй класс он пошел после возвращения в Зырянку уже осенью 1920 года.

В деревне к тому времени произошли важные изменения: на бывших поповских землях, как раз там, где погибли мученической смертью балаирские активисты, была организована коммуна «Красный пахарь». Создали ее крестьяне сами, без нажима из уезда. Поэтому дела в коммуне сразу пошли на лад. Полного обобществления всего и вся, вплоть до кур, в коммуне не было. Просто работали люди сообща, по настоящему товариществу, властям сдавали что положено, остальной урожай делили по справедливости. Получалось лучше, нежели в индивидуальном хозяйстве.

Люди потянулись к грамоте, а потому Иван Павлович Кузнецов отдал в коммуну под избу-читальню две горницы в своем доме. Читальня просуществовала несколько лет. Особенно любили люди, и малолетний Ника то хорошо запомнил, рассматривать страницу за страницей и читать популярный в двадцатые годы на Урале сельский иллюстрированный журнал с необычным названием «Товарищ Терентий».

В родной деревне под началом родной же сестры Ника закончил с хорошими отметками и второй, и третий класс. На том в Зырянке был предел. Родители многих местных ребятишек считали: чтобы сеять, косить, молотить, ходить за скотиной, трех классов достаточно. В семье Кузнецовых продолжение образования считалось делом решенным, и осенью 1922 года Ника

стал ходить в балаирскую школу – в четвертый класс. Каждый день отмеривал он, и в ненастье, и в стужу, в два конца добрый десяток километров.

Давно выведено правило: человек, и взрослый, и маленький, ценит всего более то, что достается с трудом и трудом, а не валится как манна с небес, безо всяких к тому собственных усилий. И отшагивал немалое для своего возраста расстояние каждодневно Ника Кузнецов уж не для того, чтобы отсиживать часы в классе, абы числиться присутствующим. Он учился хорошо, и вот что характерно: учителя обеих школ и много лет спустя единодушно отмечали редкостную память Кузнецова. За вечер мальчуган был способен выучить наизусть без особого напряжения почти столько же стихотворений, сколько прочитать. С одного раза запомнил он и всю таблицу умножения. Позднее, в отличие от большинства однокашников, он без малейшего затруднения и, что удивительно, без искажений запоминал латинские названия деревьев, кустарников, трав. Превосходная зрительная память позволяла ему всю жизнь, и не уча особо правил, почти что избегать грамматических ошибок.

Бюст Н. И. Кузнецову в деревне Талица.

Ника и говорил чисто, устной речью владел свободно, мысли сызмальства выражал четко, слов-паразитов и ненужных междометий не употреблял, не сквернословил. Позднее, переехав в Москву, а по некоторым воспоминаниям того раньше, легко избавился от неистребимого, как полагают некоторые, воздействия местных говоров.

Незаметно подоспело и первое расставание с отчим домом. Дело в том, что единственная в округе семилетка имелась лишь за двадцать пять верст – в Талице. Вот и пришлось Нике Кузнецову к осени 1924 года переехать в этот городок на берегу речки с очень уральским названием Пышма. За небольшую плату и со своими харчами тринадцатилетний паренек был

поселен на частной квартире – знакомой семьи Александры Васильевны Прохоровой по улице Большие Пески, 31. После смерти мужа, рабочего-кузнеца, Александра Васильевна осталась с тремя сыновьями и дочкой на руках. С одним из сыновей – Колей – Ника учился поначалу в школе, а позднее и в техникуме.

Ника Кузнецов. 1925 год.

Четверо мальчиков спали валетом на двух кроватях. Старший из братьев – Михаил – впоследствии рассказывал, что Ника часто разговаривал во сне. Эта особенность сохранялась у Кузнецова вплоть до прибытия во вражеский тыл, и ему стоило огромных усилий от нее избавиться.

Хоть и невелика Талица, а все же город, не чета Балаиру, тем более – Зырянке. Поначалу она, подобно многим уральским городам и поселкам, называлась Заводом – Талицким Заводом. До революции самым богатым человеком в городе и округе был именно владелец дрожжеспиртового завода Поклевский. Память о нем и его семье сохранилась в названии ближайшей железнодорожной станции.

Как и положено, имелась в Талице центральная площадь, где находилось здание райисполкома и райкома партии, бывшая церковь, а почти напротив – школа-семилетка, бывшее министерское училище. Восточнее площади была плотина, образовавшая искусственный пруд; из пруда, питаемого ключами, вытекала речка Барданка.

Рядом со школой располагалось пожарное депо, а попросту сарай. Местная команда обладала единственной ручной пожарной машиной на телеге. При пожарке числилась и дежурная лошадь, которую впрягали при надобности в дроги с пузатой бочкой.

На главной улице – имени Ленина, бывшей Большой Дороге, имелся клуб, где происходили самые значительные события культурной жизни Талицы. В клубе этом Ника Кузнецов впервые смотрел знаменитый кинофильм «Броненосец „Потемкин“». При нем же на площади установили перед райисполкомом столб, на котором одноглазый техник Огурцов в присутствии множества заинтересованных жителей и конечно же ребятишек установил первый на весь город, долгое время и единственный, громкоговоритель с огромным коробчатым раструбом.

Еще следует добавить, что вокруг Талицы простирались богатые леса, и потому самым достопримечательным, можно сказать, главным заведением города был лесотехнический техникум – ТЛТ, студенты коего выделялись своим независимым, даже гордым нравом и… форменными фуражками с зелеными бархатными околышами и блестящими кокардами.

Талицкая семилетка, уже в силу своей единственности в районе, была относительно многолюдной и уж точно шумной. Казалось, затеряется в ней новичок из глухой деревушки, растворится в среде более развитых да бойких товарищей. Но этого не произошло. Ника очень быстро, причем без какого-то к тому особого стремления стал в классе заметной фигурой. Его не только признали своим, но и полюбили.

Заслуженная учительница республики Анна Зиновьевна Снегирева, в те годы заведовавшая талицкой школой, еще тогда занесла в свой дневник: «Новичок – собранный мальчик, с большими задатками, подготовлен для учебы хорошо, при живости характера на удивление внимателен».

А вот характерное воспоминание еще одного преподавателя – математика Василия Михайловича Углова: «Мне казалось, что он из семьи кадровых военных. Об этом говорила его выправка. Постоянная собранность – типичная черта Ники Кузнецова. Вот таким он и остался в моей памяти».

Люди, близко знавшие Кузнецова-разведчика, действовавшие вместе с ним во вражеском тылу, отмечая такие его качества, как изумительные лингвистические способности, умение молниеносно перевоплощаться, обаяние, находчивость, мужество, тоже ставили на первое место в его характере именно собранность и выдержку.

По-человечески убедительно и остроумно звучит еще одно воспоминание – преподавателя обществоведения Виктора Федоровича Чащихина. Он рассказывал, что за сорок лет педагогической деятельности перед ним прошли сотни молодых людей. Многих он забыл. Хорошо запомнились лишь четверо: один был его собственным племянником, второй – однoруким, третий – потому, что в детстве объездил с родителями весь мир, вплоть до Гавайских островов. Только Ника Кузнецов – четвертый – запомнился именно как незаурядный ученик.

В то время еще не было радио в каждом доме, не добирались в Зауралье выездные гастрольные труппы, с запозданием и далеко не в каждую семью приходили газеты, тем более журналы. Школа и все с ней связанное были потому естественным центром жизни учащейся молодежи. И те скромные кружки, которые зародились тогда в ее стенах, – литературный, драматический, музыкальный, – стали, по сути, своеобразными окнами из деревенской глуши в большой мир. В них, как океан в капле воды, отражалась бурная, кипящая накалом огромных дел жизнь страны.

Пареньки и девочки со всем пылом и непосредственностью юности обсуждали здесь большие и малые события, которые волновали республику, спорили азартно и непримиримо о дальнейшем развитии мировой революции, выносили порой излишне безапелляционные, но всегда искренние оценки внешних и внутренних событий.

И приучались любить искусство – страстное, революционное искусство двадцатых годов, не осознавая, конечно, всей его противоречивости, иногда даже антигуманности, когда классовые, понимаемые к тому же очень узко и прямолинейно, интересы ставились превыше и общенародных, и общечеловеческих. Настоящим событием для всей округи стала постановка на школьной сцене отдельных эпизодов из знаменитой пьесы Константина Тренева «Любовь Яровая». Разумеется, все кружковцы рвались к героическим ролям своих – «красных», особенно матроса Шванди. Семиклассник Ника Кузнецов несколько раз сыграл роль комиссара Кошкина. А потом просто поразил всех тем, что сам вызвался сыграть… врага, умного и неординарного поручика Ярового. И сыграл… Да так, что дожившие до наших дней участники и зрители того непритязательного спектакля, повидавшие в последующие годы и свердловских и

московских артистов, и поныне помнят Нику в этой совсем необычной для подростка (к тому же деревенского) трудной роли.

Можно предположить, что удивительная способность будущего разведчика Кузнецова к перевоплощению проявилась именно в скромном школьном драмкружке, которым руководила учительница русского языка Фаина Александровна Яблонская. Надо сказать, что в дореволюционной России культура любительских спектаклей и музицирования (ужасающего термина «художественная самодеятельность» и в помине, конечно, не было) с давних времен находилась на чрезвычайно высоком уровне. На любительских подмостках начинали свою карьеру многие выдающиеся актеры и актрисы. И традиционно видную роль в этом прекрасном любительстве играли учителя и преподаватели, особенно в провинции.

В школьном же кружке, который вел преподаватель пения, музыки и каллиграфии Иван Михайлович Угрюмов, Ника научился играть на гармонике и балалайке. Угрюмов же нашел у мальчика хороший голос – тенор. В школьном хоре Кузнецов пел охотно, даже солировал. Но от предложения петь в церковном (Иван Михайлович был и регентом в местном храме) отказался. Мальчик к этому времени, как и многие сверстники, естественным путем утратил веру в Бога и перестал носить нательный крестик.

В талицкие годы проявились впервые незаурядные способности Кузнецова к языкам. Известно, какую важную роль играет первый преподаватель, хотя бы потому, что именно от него зависит, увлечется ли ученик предметом, или будет относиться к нему всю жизнь, как к зубной боли. Известно также, что долгие годы изучение иностранных языков в советской школе полагалось делом если и не совсем бесполезным, то уж по сравнению с той же арифметикой второстепенным, чуть более важным, чем уроки пения и физкультуры.

В этом отношении Кузнецову повезло: Нина Николаевна Автократова великолепно знала немецкий язык (как, впрочем, и французский) – в свое время она получила образование в Швейцарии. Поскольку отличное владение Кузнецовым немецким языком – факт достаточно хорошо известный, можно полагать, что со своей основной задачей его первая учительница справилась более чем успешно.

Не довольствуясь занятиями в классе, Кузнецов отдавал много часов загадочной для его товарищей дружбе с преподавателем труда. Секрет объяснялся просто: учитель этот – Франц Францевич Явурек – был бывший военнопленный чех, осевший на уральской земле. С ним Ника упражнялся в разговорной речи, набирался, в частности, живых фраз и выражений, в том числе таких из солдатского жаргона, каких в арсенале Нины Николаевны не было и быть не могло. Третьим наставником Кузнецова стал провизор местной аптеки австриец Краузе.

Не один Кузнецов, надо полагать, получал у Автократовой формально хорошие отметки, но только он понял и осознал, что грех упускать такую возможность – говорить по-немецки с людьми, быть может, и не столь образованными, как Нина Николаевна, но для которых все же этот язык родной. А поняв, не забыл на следующий день, не отложил благое намерение на понедельник, а немедленно приступил к намеченному.

Еще выделяло Нику в школе пристрастие к чтению. Это отмечают в воспоминаниях решительно все его одноклассники и учителя. Он был постоянным посетителем скромной школьной библиотеки, которой ведала Елизавета Зиновьевна Снегирева. Он даже заслужил право – единственный из всех! – получать ключ от огромного, три метра в высоту и столько же в ширину, шкафа, где хранился архив школы еще со времен, когда она была министерским училищем, а также сберегалось множество старых книг и журналов.

Елизавета Зиновьевна вспоминала:

> *«Иногда зайдет, стоит, немного прищурив один глаз. Значит, нужен ключ. Спросишь: „Ключ?“ Молча мотнет головой. Как сейчас вижу: откроет архив, поставит лесенку (была такая же массивная, как и шкаф, лесенка,*

чтобы достать что-либо с верхней полки), найдет в архиве, что его интересовало. Сидит на лесенке, нога на ногу, читает.

Тогда он мне о многом поведал. Говорил, что в чтении книг придерживается строгой системы. Рассказал, что со второго класса ведет запись прочитанных книг. А с пятого – и характеристику героев.

Говорил, что намечает план действий, что должен сделать в какой-то отрезок времени. Например, прочитать такие-то книги. Намеченное обязательно выполнит, пускай на это потребуется несколько месяцев или год».

Круг чтения Ники в школе, разумеется, значительно расширился, но заметное предпочтение он по-прежнему отдавал произведениям героико-романтическим. Так, соученик Андрей Яковенко хорошо помнит, что любимой книгой Кузнецова в тот период были «Северные рассказы» Джека Лондона.

На вторую школьную зиму Ника сменил квартиру. Теперь его соседями по дому оказались три студента лесотехнического техникума. Один из них – Александр Колотыгин – так описал знакомство:

«Я тогда учился на последнем курсе ТЛТ. Осенью после возвращения с полевых лесоустроительных работ я с моими товарищами Ваней Голиковым и Сашей Дудиным сняли комнату в частной квартире у Екатерины Павловны Масловой. И вот в один из сентябрьских дней у нас появился еще один сосед – знакомый хозяйки из деревни Зырянки. Это был коренастый, сероглазый мальчуган, ученик выпускного класса талицкой школы-семилетки.

Поселился он в одной из комнат хозяйки, спал на сундуке, а в холодные ночи забирался на русскую печь или приходил в нашу комнату.

…Ника был ростом немного выше своих сверстников, как-то по-особому подтянут. Одевался в белую рубашку, черную курточку, брюки навыпуск. На курточке приколот значок Осоавиахима, который он носил постоянно.

…Ника был веселым, общительным парнем. Умел в свои четырнадцать лет неплохо играть на гармошке и балалайке. Не стеснялся, не забивался в угол среди более взрослых парней и девчат. Любил петь. У него оказался хороший слух, сильный, приятный голос… Танцевал с девушками вальс, польку, кадриль. Умел плясать русскую и лихо отбивал чечетку.

…Любил играть в шахматы и нередко обыгрывал кого-нибудь из нас. Он самостоятельно решал шахматные задачи, хорошо играл и в шашки.

Ника любил купаться и с наступлением теплых дней постоянно ходил со школьными дружками на Пышму. Плавал он хорошо и Пышму (около двухсот метров в ширину) переплывал туда и обратно без передышки. Хорошо нырял, для чего выбирал крутые берега. Увлекался рыбалкой. По утрам до школы всегда „крутился“ на турнике, который сам и сделал».

В седьмом классе у Ники неожиданно появилось еще одно увлечение. От кого-то из знакомых ребят он услышал, что есть такой человек в городе – Суэтин Сергей Александрович, который для школьников-семиклассников и студентов ТЛТ организует кружок. Совершенно необычный. В нем будут изучать международный язык! На нем можно разговаривать с людьми любой национальности – и все тебя поймут. Это казалось невероятным, и взволнованный Ника побежал к Автократовой, разузнать, так ли это.

Нина Николаевна подтвердила, что такой язык действительно существует. Его изобрел в 1887 году варшавский врач Людвиг Лазарь Заменгоф. В языке этом всего шестнадцать правил, из которых нет никаких исключений. Изучить их можно всего за десять уроков, чтобы запом-

нить слова (а они основаны на лексике, общей для многих европейских языков), потребуется, конечно, времени побольше.

Свой проект Заменгоф подписал псевдонимом «Доктор Эсперанто». Новоизобретенный международный язык тоже получил наименование «эсперанто». Нина Николаевна к будущему эсперанто относилась с известным скепсисом, но вреда в его изучении не видела, справедливо полагая, что уже сам по себе интерес подростка к делу, а не безделью заслуживает поощрения. Ника, конечно, эту педагогическую тонкость не уловил, немедленно записался в кружок и ринулся в изучение языка, на котором можно изъясняться в любой стране мира…

Словарь и учебник эсперанто, по которым занимался Николай Кузнецов.

23 июня 1926 года Никанор Кузнецов получил свидетельство об окончании семилетки. На семейном совете решено было единогласно – нужно учиться дальше, да так, чтобы уже приобрести и хорошую профессию. Но где? Выбор был невелик, он ограничивался теми средними специальными учебными заведениями, которые имелись поблизости – в уральско-сибирском, разумеется, измерении. Более всего самому Нике хотелось поступить в лесотехнический техникум в той же Талице. Однако из этого ничего не вышло. На первый курс ТЛТ в тот год принимали всего двадцать пять человек, желающих же было свыше двухсот. Предпочтение отдавалось молодым людям физически крепким, уже поработавшим, то есть с трудовым стажем. Пятнадцатилетнему Кузнецову отказали, сказав, что он может еще и подождать.

Было, конечно, обидно, но ждать Кузнецов не хотел, да и не мог. И он отправился в Тюмень. Здесь его без каких-либо треволнений и сложностей приняли на агрономическое отделение сельскохозяйственного техникума.

На сем завершилось отрочество Никанора Кузнецова.

Началась юность.

Глава 2

Тюмень тех лет отличалась от Талицы, по существу, лишь размерами да численностью населения. Общий облик, тип построек, уклад жизни в обоих городах был почти один и тот же. Поэтому сам по себе переезд в Тюмень и годичное пребывание в этом западносибирском городе, тогда еще глухо провинциальном, никакого особого впечатления на Нику Кузнецова не произвели. Вот что он действительно остро ощущал – так это отсутствие старых товарищей. Впервые он испытал, что такое одиночество среди людей, что такое скучать по дому. Тюмень – не Талица, просто так на выходной в родную Зырянку не смотаешь. Накладно для тощего студенческого бюджета. С деньгами было туго, выручали родительские посылки с деревенскими нехитрыми харчами.

Впрочем, общительный по натуре, приветливый паренек очень скоро вошел в круг новых однокашников, обзавелся знакомыми и друзьями, перестал чувствовать себя чужаком, деревенским нескладнем.

Сельскохозяйственный техникум занимал одно из лучших в городе большое, даже величественное двухэтажное здание с метровыми стенами, просторными светлыми классами и рекреациями. До революции в нем размещалось реальное училище, в числе выпускников которого числился знаменитый инженер и революционер Л. Б. Красин. Преподаватели в техникуме были достаточно квалифицированными, а сами предметы знакомы Нике сызмальства, так что с учением никаких сложностей ему разрешать не пришлось.

Еще в Талице Ника разузнал, что в Тюмени тоже есть кружок эсперантистов, и загодя обзавелся адресом – Иркутская улица, 17. Руководил кружком юрисконсульт Тюменского речного пароходства (город был заложен на судоходном притоке Тобола Туре) Георгий Николаевич Беседных. Окончание фамилии юрисконсульта безошибочно указывало на коренное сибирское происхождение. В отличие от молодежного талицкого кружка, тюменский гордо именовался клубом и состоял в основном из взрослых, в больш инстве – сослуживцев Георгия Николаевича. Размещался клуб в замшелом, наполовину вросшем в землю деревянном домике. Зато покосившиеся ворота украшал красный круг с зеленой пятиконечной звездой, в центре которой золотой краской были выведены загадочные для непосвященных прохожих буквы: «SEU». Круг со звездой и аббревиатурой был официальной эмблемой Союза эсперантистов советских республик – Sovetrepublikata Esperanto Unio. Внутри домика Ника, к приятному удивлению, обнаружил кроме хорошо известного ему учебника Кара и Панье целую библиотечку книг на эсперанто.

Довольно быстро выявилось, что пятнадцатилетний паренек, куда менее начитанный, нежели его взрослые коллеги по клубу, говорит на эсперанто гораздо лучше их, почти с той же скоростью, что и на родном русском. В результате через какой-то месяц он фактически стал как бы заместителем руководителя клуба по разговорной речи.

Георгий Николаевич не мог нарадоваться на такого старательного, хотя и очень уж юного помощника. Но даже он, знавший Нику лучше, чем другие, был поражен, когда на очередном занятии в клубе Кузнецов прочитал сделанный им перевод на эсперанто любимого с детства стихотворения – «Бородино».

Успехи Ники в изучении искусственного, но прекрасного в звучании (более всего похожего на итальянский) международного языка были официально признаны: его приняли в Союз эсперантистов с вручением членского билета за № 47001.

На праздничной демонстрации 7 ноября 1926 года тюменские эсперантисты пронесли по улице Республики – главной в городе – свой транспарант с надписью: «Vivu la 9 jaro de granda Oktobra Pevolucio!»[1]

Тогда такое не только не возбранялось, но и было встречено приветственными возгласами тюменцев. Увы, пройдет совсем немного времени, и Союз эсперантистов советских республик будет распущен, а точнее – разогнан. Международные связи энтузиастов интернационального языка трудящихся вызовут мрачные подозрения, многие из них будут объявлены агентами иностранных разведок и репрессированы. Изучение эсперанто прекратится, а само звучное слово почти забудется.

Общение со взрослыми кружковцами на равных или почти на равных не только обогащало, но вообще сыграло очень значительную роль в формировании мировоззрения Ники Кузнецова, становлении характера, просто накоплении жизненного опыта. Как-никак, занятия велись хоть и на эсперанто, но разговоры шли на темы, самые актуальные для того времени: международное положение СССР, дела в народном хозяйстве, решения XIV партсъезда об индустриализации. Обсуждали, конечно, книжные новинки, советские и заграничные фильмы, доходившие до Тюмени.

Порой разгорались горячие споры. И тут Ника самостоятельно нашел, даже вывел очень важное для изучения, тем более свободного владения чужим языком правило: когда говоришь, никогда не переводи мысленно с русского – это раз, не бойся совершать ошибки, говори как складывается, не отвлекаясь на правила, но быстро – два. Именно предварительный перевод, мучительный страх нарушить какую-либо лингвистическую норму сковывает до немоты уста многих приступивших к изучению иностранного языка. Вот так и получается, что сегодня многие выпускники даже не средней – высшей школы знают английскую грамматику лучше русской, а говорить по-английски стесняются или еле-еле изъясняются, заикаясь от неуверенности.

11 декабря 1926 года Кузнецов был принят кандидатом в члены ВЛКСМ сроком на полтора года.

Комсомол тех лет был организацией по-настоящему боевой, самодеятельной и авторитетной отнюдь не только в молодежной среде. С комсомолом считались даже самые ответственные партийные, советские и хозяйственные работники.

Ника Кузнецов вступал в комсомол не ради карьеры и не потому, что так поступали многие его сверстники. Кстати, тогда в ВЛКСМ приходили далеко не все достигшие уставного возраста юноши и девушки. А из подавших заявление принимали тоже не каждого.

Ника Кузнецов был комсомольцем убежденным. Свято и бескорыстно верил в коммунистические идеалы, как и миллионы его сверстников. Широко распространено мнение, что мировоззрение человека складывается прежде всего из чтения книг, применительно к мировоззрению марксистскому – изучения так называемых первоисточников, то есть произведений Маркса, Энгельса, Ленина, а с конца двадцатых и Сталина, а позднее и преимущественно Сталина. Это верно лишь отчасти, когда мы имеем дело с действительно глубоким проникновением в философские основы данной идеологии. Большинство партийцев и комсомольцев двадцатых годов не продвигались дальше бухаринской «Азбуки коммунизма», а тридцатых – пресловутого «Краткого курса истории ВКП(б)». Но в реальной жизни наши убеждения на раннем этапе формируются преимущественно под воздействием прямых встреч и контактов с живыми, реальными носителями, приверженцами тех или иных идеалов. Религиозность, как известно, начинается не с чтения Библии или Корана, а с молитвы, которую над колыбелью младенца напевает мать, позже – идет от восприятия проповеди священнослужителя в стенах храма или воздействия средств массовой информации.

[1] Да здравствует 9 годовщина Великой Октябрьской революции!

Студент Тюменского агротехнического техникума Николай Кузнецов в 1928 году.

Лучшими, самыми значительными людьми, которых встречал до сей поры пятнадцатилетний Ника Кузнецов, кроме, естественно, родителей, были коммунисты и комсомольцы. Он им и поверил – на всю жизнь.

Понятно, что их взгляды стали его собственными взглядами и убеждениями. Последующие жестокие разочарования при столкновении совсем с иными обладателями партийных и комсомольских билетов никак не могли пошатнуть эту убежденность в исторической правоте коммунистической идеологии.

В этой цельности была сила поколения, в том же скрывалась его будущая трагедия. Миллионы и миллионы комсомольцев двадцатых – тридцатых годов были воспитаны так же, как Ника Кузнецов. Они в массе своей были кристально чистыми и честными людьми, по первому зову партии шли укреплять военно-воздушный и военно-морской флот, строить Комсомольск-на-Амуре и московское метро, возводить Днепрогэс и крушить храм Христа Спасителя. Одинаково не задумываясь, они шли под кулацкие обрезы и реквизировали хлеб у тех, кто взрастил его собственным, до седьмого пота трудом. Они, эти восторженные и наивные, бескорыстные и бескомпромиссные юноши и девушки порушили едва не до основания то, что строил народ веками, но они же приняли на себя всю страшную, неподъемную тяжесть Великой Отечественной войны. «Плохая им досталась доля, немногие вернулись с поля…»

Другой поэт, тогда неведомый Кузнецову, его современник и будущий однополчанин, Семен Гудзенко написал иначе: «Нас не надо жалеть, ведь и мы никого не жалели…»

Те, кто вернулся, быть может, могут и вправе упрекнуть себя за безоглядную, порой даже слепую веру. Но мы им, спасителям Отечества в самую лихую годину, – не судьи.

Старая истина гласит: пути Господни неисповедимы. Не случись беды, скорее всего Ника Кузнецов так и проучился бы в тюменском сельскохозяйственном техникуме положенных три года, избежал того жестокого удара, что едва не искалечил всю его жизнь, получил диплом. Затем, кто знает, мог продолжить образование и в знаменитой Тимирязевской академии, и уж, во всяком случае, долгие годы работать в Зауралье или в Сибири колхозным агрономом.

Судьба распорядилась иначе.

Еще в мае Ника получил тревожное письмо от Лиды. Младшая из сестер сообщала, что отец их, Иван Павлович, простудившись на молотьбе, тяжко занемог, уже и с постели не встает. Ждет только не дождется, когда Ника сдаст экзамены за первый курс и приедет домой. Лида просила брата не задерживаться в Тюмени ни одного лишнего дня. А пятого июня из дома пришли почему-то две одинаковые телеграммы: папа накануне скончался от скоротечной чахотки.

Выехать сразу пассажирским поездом не удалось. Пришлось добираться до ближайшего «Четырнадцатого разъезда» на товарном, понятно, «зайцем», садиться и спрыгивать на ходу. В Зырянку Ника попал лишь на другой день после похорон.

Со смертью отца Ника оказался в семье за старшего мужика, выходит, за хозяина. По крестьянской традиции на его плечи теперь ложились все заботы о хозяйстве, хоть и порушенном изрядно за военные годы, но все ж почитавшемся крепким. Имела семья из шести человек двух рабочих лошадей, жеребенка, корову, двух телят и одну овцу. По любым меркам и здравому смыслу хозяйство могло считаться лишь середняцким, продукции дававшим лишь на собственное пропитание и уплату налогов.

Первым намерением Ники было – техникум оставить, заняться крестьянским делом. Но Анна Петровна, а за ней и Лида с Витей запротивились: «Отец, царствие ему небесное, – набожная мать перекрестилась на образа, – наказывал тебе, Никоша, учиться. Так тому и быть. А мы выдюжим, дождем тебя…»

В последних словах матери, всегда такой мягкой и уступчивой, прозвучала дотоле необычная твердость. На том и согласились. Однако Ника решил: коль так уж сложилось, надо перебираться ближе к дому, чтобы иметь возможность хоть в страдную пору помогать семье. Он снова сделал попытку поступить-таки в ТЛТ. В Тюмени к Нике отнеслись с пониманием. Выдали, хоть и с явным сожалением, документы.

Конкурс в ТЛТ в 1927 году был столь же велик, что и в предыдущем. Но на сей раз судьба была к Нике более благосклонна, сказалась и тюменская подготовка – его зачислили на первый курс. Кузнецов стал полноправным «короедом» – такое прозвище носили учащиеся техникума в городе.

Талицкий лесной (позднее лесотехнический) техникум был превосходным учебным заведением со славными традициями и высоким уровнем преподавания. История его восходит к 1896 году, когда видный сибирский педагог и знаток леса Сергей Григорьевич Вронский основал в Талицком Заводе Лесную школу. Готовили в ней, как тогда говорили, лесных кондукторов, то есть образованных лесников для всей Сибири и Урала. Школа располагала прекрасной производственной базой. Лесная дача занимала около 35 тысяч гектаров, произрастала на них в основном знаменитая сибирская высокоствольная сосна. При техникуме был и богатейший дендрарий, иначе – лесопитомник, заложенный в 1897 году тем же Вронским. В нем было собрано 57 видов древесных и кустарниковых пород – всех имевшихся в Сибири и экзотических.

Дендрарий, и в том, слава Богу, оказались не в состоянии помешать ни революция, ни гражданская война, поддерживался в должном порядке. Допускались сюда не только учащи-

еся, но и жители Талицы, которые справедливо считали его главной достопримечательностью города, гордились им и всячески оберегали. Бывал здесь, конечно, и Ника Кузнецов. Еще в школе он научился с первого взгляда различать все деревья, кустарники и травы, как местные, так и доставленные из дальних краев. Знал не только ель, пихту, красавицу лиственницу, но и пришельцев с юга: белую и бородавчатую березу, пробковое дерево, дуб, маньчжурский орех, остролистный клен. Особенно любил бывать в дендрарии весной, когда цвели липа, черемуха и сирень.

В 1929 году ТЛТ получил новый двухэтажный кирпичный корпус с химической лабораторией и лабораторией по выращиванию семян.

Учиться в техникуме было нелегко, но интересно. В программу полного курса входили русский язык, обществоведение, гигиена и физвоспитание, военно-допризывная подготовка, математика, физика с основами метеорологии, химия, ботаника, лесоведение с основами почвоведения, таксация и лесоустройство, лесоэксплуатация с основами лесной технологии, строительное и лесоинженерное дело, зоология с основами охотоведения, геодезия и черчение, основы кооперации и некоторые другие дисциплины.

Само собой разумеется, что будущий лесничий должен свободно ориентироваться на местности, превосходно ходить на лыжах, хорошо стрелять. Летом учащиеся под руководством лесовода Петра Ивановича Чудникова ходили на Алешкинский кордон: изучали состояние лесных культур, готовили почву площадками, засевали семенами хвойных пород, брали почвенные пробы на предмет наличия личинок майского хруща, который повреждал корневую систему молодых сосенок. На других практических занятиях проводили теодолитную и буссольную съемку.

Хоть отбавляй дел было и по общественной линии. Нику избрали в комитет профсоюза техникума, он возглавлял ячейку Осоавиахима, организовывал соревнования, собирал деньги на постройку самолета «Уральский рабочий». После того как Нику из кандидатов 27 декабря 1927 года, то есть досрочно, приняли в члены ВЛКСМ, его избрали и членом бюро ячейки комсомольской.

А тут еще суточные дежурства на метеостанции, утомительные многочасовые обходы в лесопитомнике, занятия в спортклубе «Орленок», в кружке эсперанто, в художественной самодеятельности, разовые комсомольские поручения, военизированные походы, иногда в противогазах.

И на все нужно время, на все нужна энергия. Очень немногие, лишь самые близкие друзья знали, как ухитряется еще Ника Кузнецов почти каждый выходной день побывать в Зырянке, чтобы помочь родным по хозяйству.

Кузнецов по-прежнему много и целеустремленно читает. Круг его литературных интересов уже вполне определился – он любит произведения, герои которых способны из патриотических побуждений на подвиг, даже самопожертвование. Кузнецов читает все, что может достать, о выдающихся людях отечественной и мировой истории. Его интересуют не только факты биографии героев, но главное – что стояло за их делами и подвигами, что придавало не знающую преград силу их духу.

Занятия эсперанто не остудили более давнего увлечения немецким языком, за круговертью дел и хлопот оно не отошло на второй план. Кузнецов выкраивает время, чтобы регулярно часок-другой поболтать с объездчиком с Качкарихинского кордона Эдуардом Фердинандовичем Гунальдом. Сожалеет лишь, что в Талице невозможно добывать книги на немецком языке, те немногие и случайные, что имелись, он давно прочитал. И не только прочитал: так, разысканную в библиотеке ТЛТ «Энциклопедию лесной науки» Гундесагена он даже принялся переводить на русский.

В конце концов такая перегрузка сказалась, усугубило ее и то, что после смерти отца Ника бедствовал, не то что справить новую одежду – порой еды купить было не на что. Редких теперь поступлений продовольствия из дома хватало едва на несколько дней.

При очередном медосмотре врач Мухин нашел у Ники слабость легких, порекомендовал усиленное питание.

Смирив самолюбие, Кузнецов обращается в дирекцию техникума с просьбой изыскать ему стипендию – до сих пор он ее не получал как выходец из «зажиточной семьи». По тогдашней всеобщей бедности стипендию получали совсем уж неимущие учащиеся. Не получив никакого ответа, 18 ноября 1928 года, через месяц, Кузнецов пишет повторное заявление:

> *«Прошу стипендиальную комиссию дать мне стипендию. Временными трудностями я доведен до такого состояния, что сейчас не имею ни одной копейки для существования, кроме того, я с начала занятий 20 сентября не платил за квартиру. Так в дальнейшем продолжаться не может. Кормился я на остаток от заработка летом (…заработал 55 рублей). От плохого питания и усиленного занятия чувствую ненормальности в легких. При осмотре Мухин советует питаться молоком и вообще улучшить условия питания, я же питаюсь как нельзя плохо, что могут подтвердить мои сожители Белоусов и Захаров.*
>
> *В дальнейшем без стипендии я буду вынужден продать всю одежду, купленную на заработок (костюм юнг-штурма, брюки, шубку)».*

Упомянутые Никой в заявлении 55 рублей появились у него благодаря доброму отношению к нему и нескольким товарищам объездчика Гунальда. Объездчик в лесном деле – второе лицо после лесничего, под его началом находятся несколько лесников. После практики летом 1928 года Ника с друзьями копал в его кварталах площадки – полтора на полтора метра – и через каждые двадцать сантиметров высаживал сосновые саженцы. Платил Гунальд за эту работу наличными деньгами, и ребята были довольны.

Стипендию в размере 15 рублей Кузнецову наконец-то дали. Еще раньше его освободили и от платы за обучение. Когда техникум построил новое здание общежития, Ника получил в нем место. Жить стало легче.

Между тем назревали большие события. Страна вступала в 1929 год, долгие десятилетия именовавшийся у нас «годом великого перелома». К коллективизации уральской деревни, хорошо лишь в качестве агитаторов, привлекли и комсомольцев Талицкого лесного техникума. Идею коллективизации 15–16-летние подростки, безоглядно верившие партии и в партию, приученные уже не сомневаться в мудрости ее решений, приняли восторженно. И в голову не могло им прийти, что преступно искаженные до неузнаваемости идеи сельскохозяйственной кооперации приведут к трагедии крестьянства и всего народа. Увы, жестоко заблуждались тогда отнюдь не одни юные помощники партии, но и подавляющее большинство их старших наставников-коммунистов. Они, старшие, ответственны перед историей и за великий перелом, и за миллионы погибших в результате массовых репрессий и голода крестьян, и за обманутых в лучших чувствах молодых и неопытных энтузиастов. В числе этих миллионов, не ведавших, что творят, был и талицкий комсомолец Ника Кузнецов. Однако, если судить по совести, ничего, о чем можно было бы горько сожалеть и десятилетия спустя, он лично не совершил.

Совершенно справедливо Ника рассудил, что лучшей агитацией за колхоз должен быть личный пример. Это был вопрос принципиальный. По его пылкому и настойчивому настоянию 13 мая 1929 года, то есть за полгода до начала в этой местности массовой коллективизации, семья Кузнецовых вступила в коммуну «Красный пахарь», передала в общее пользование весь сельскохозяйственный инвентарь, скот, надворные постройки. На центральную усадьбу в рощу между Зырянкой и Балаиром был перевезен даже родительский дом.

Еще в первые годы существования коммуны коммунары выложили в центре усадьбы большую земляную звезду в честь зарубленных почти на этом месте земляков. Ежегодно в честь освобождения Урала от Колчака – 15 июля – здесь устраивали митинг, на который сходилась вся округа. Ника бывал на этих «Днях памяти» еще мальчишкой, но летом 1929 года он впервые участвовал в них как полноправный коммунар.

Нет, не вина Ники Кузнецова, что из всех возможных путей кооперации, известных ныне миру и себя безусловно оправдавших и оправдывающих во многих развитых аграрных странах, в нашей державе был избран тот, что привести мог только к краху…

Той же весной 1929 года Ника впервые использовал на практике знания, приобретенные за три года в Тюменском и Талицком техникумах, – помог землякам составить правильный, обоснованный план посевных площадей. Это была серьезная помощь, так как крестьяне, привыкшие иметь дело с узкими индивидуальными наделами, на первых порах чувствовали себя неуверенно на больших участках с перепаханными межами.

Носить имя сельского комсомольца-активиста в ту пору было небезопасно. Кулацкий террор, никак не оправдывавший, конечно, массовые репрессии против крестьянства в целом, не был выдумкой, хотя масштабы его заведомо и сознательно преувеличивались. Но он действительно имел место и проявлялся порой в самых жестоких формах. Нике приходилось бывать с поручениями райисполкома не только в родной Зырянке, где его все знали сызмальства, но и в других деревнях, в том числе Чулине того же Талицкого района. В этой деревне кулаки застрелили из обреза комсомольца Гошу Пылкова, зарубили топорами комсомольца Митю Козлова и активиста Петра Козлова, члена сельсовета Анастасию Козлову забили до смерти железным ломом.

Еще в дни сдачи вступительных экзаменов Ника познакомился, а потом и крепко сдружился с Федей Белоусовым и Володей Захаровым. После зачисления они старались и жить вместе, маленькой коммуной. Федор Александрович Белоусов много десятилетий спустя рассказывал автору:

«Жили мы очень бедно. Володя и я получали стипендию. Ника долгое время стипендию не получал, считался обеспеченным. Мама Ники наезжала в Талицу, привозила продукты, помню замороженное молоко кружками. Я до поступления в техникум работал, у меня были кое-какие деньжонки и костюм бостоновый. В этом костюме мы по очереди ходили на танцы в Ургинский сад, да изредка на спектакли, которые в городском клубе давали порой приезжавшие из Камышлова артисты тамошние.

Зимой 1928–1929 года мы совсем оголодали. Продукты из лавок стали исчезать, а на субботних базарах цены стали совсем несусветные. У меня от лучших времен имелось бельгийское охотничье ружье. Пришлось продать, а перед тем застрелил из него свою собаку Шельму, помесь пойнтера и гончей. Кормить ее было нечем…

Учились мы в одной группе. Уровень преподавания и требования к нам были очень высокими. Ника, помнится, всех превосходил в очень важном для нашей профессии предмете – черчении. Надо сказать, почему-то об этом никто не писал, что Ника Кузнецов одинаково свободно владел обеими руками. Я встречал, конечно, левшей, но так, что обеими – знавал только Нику. Так вот, самые тонкие обозначения на чертежах и планах лесонасаждений, особенно на левой кромке чертежа, он делал левой рукой. Работы его шли на выставки.

Прекрасно давалась ему и математика. Сильнее Ники в этом предмете был только Володя Захаров, вообще очень одаренный паренек. Позднее он поступил в Уральский лесотехнический институт. Не сомневаюсь, что вышел

бы Володя в большие ученые, но на третьем курсе его арестовали – на него из зависти и давней неприязни донес наш же бывший однокурсник. Из лагеря Володя Захаров не вернулся. Сгинул…

Собственных вещей, кроме того, что на нем, у Ники почти что не было. Только гармошка-однорядка, которая, кажется, досталась ему от каких-то родственников. Брились мы все трое одной бритвой – она у меня до сих пор хранится.

Все годы в техникуме Ника участвовал в самодеятельности – в любительских спектаклях, пел тенором под свою же однорядку. Любимая песня была „По муромской дороге стояли три сосны“…

Нас поражала точность Ники – он никогда и никуда не опаздывал, хотя часов, разумеется, не имел. И аккуратность. Не терпел, к примеру, если у кого из нас пуговица болталась на живой нитке, тут же заставлял пришить как надо. И никогда не врал, даже по мелочам.

Из увлечений – любил лыжи, ходил после уроков хоть час, даже в сорокаградусные морозы».

Между тем обстановка в ТЛТ менялась к худшему. В стране в связи с массовой коллективизацией начиналась вакханалия всевозможных проработок и чисток, предшественница «Большого террора». Ее первые всплески докатывались и до далекого уральского городка. Над многими учащимися техникума сгущались тучи.

Летом 1929 года исключили из комсомола Федю Белоусова. Ему вменили в вину защиту на диспуте непролетарского поэта Сергея Есенина и происхождение – отец, дескать, поп. Первое обвинение абсолютно соответствовало истине, Федя действительно превыше всех поэтов русских ставил именно Есенина и защищал его от яростных нападок фанатичных приверженцев Маяковского, который, правда, к пролетариату тоже никакого отношения не имел. Что же касается происхождения, то Федя сумел доказать, что отец его никакой не поп, а вовсе неграмотный крестьянин из села Баштарского. Это спасло его от исключения из техникума.

Потом взялись за добродушного здоровяка Колю Киселева, который действительно имел неосторожность родиться в семье деревенского священнослужителя. Киселеву, однако, повезло: его оставили в ТЛТ, но лишили стипендии. Наделенный недюжинной физической силой, он стал прирабатывать на жизнь разгрузкой и погрузкой вагонов на метизном заводе и станции Поклевской.

Следом исключили из комсомола (потом, правда, восстановили) однокашника еще по школе Андрея Яковенко. А через несколько недель тяжелый и незаслуженный удар обрушился и на Нику.

Активность Кузнецова, его принципиальность и популярность пришлись не по вкусу некоторым его однокурсникам. Сплелись в тугой узел задетое самолюбие, обыкновенная зависть и – главное – пустившая уже глубокие корни в обывательское сознание «политическая бдительность».

Как-то Нику вызвали в бюро ячейки. Дело обычное. Ничего не подозревая, он вошел в хорошо знакомую комнату, как всегда приветливо поздоровался с секретарем. Не ответив на приветствие, секретарь – они были хорошо знакомы, некоторое время даже жили в одной комнате, – непривычно жестко бросил:

– Садись, Кузнецов!

Не по имени… Ника сел.

– Билет с собой? – последовал вопрос.

– Конечно.

– Предъяви.

Все еще ничего не понимая, Ника вынул из нагрудного кармана юнгштурмовки аккуратно заправленный в картонную корочку комсомольский билет. Протянул секретарю. Тот, насупив брови, долго и придирчиво стал изучать каждый листок, словно видел впервые, словно не сам какую-то неделю назад проставлял в нем отметку об уплате очередного членского взноса. И вдруг каким-то вороватым движением смахнул билет в ящик стола и молниеносно запер его на ключ. Ника растерялся.

– Ты что?! – только и спросил изумленно.

– За обман комсомола будешь отвечать перед ячейкой! – отчужденным голосом отчеканил секретарь, глядя сквозь Нику пустыми глазами.

Первые дни Ника полагал, что все происходящее – дурной сон, явное недоразумение, во всяком случае. Но это был не сон и вовсе не недоразумение. Настоящий заговор со всем арсеналом подлых средств – от грубого нарушения устава и подтасовки протоколов (не было созвано общее собрание, на заседание бюро умышленно не пригласили ребят, хорошо знавших Нику и его семью) до прямой клеветы.

Кузнецова обвинили в кулацком происхождении, в дружбе с «сомнительными элементами», в том, что отец его служил офицером в белой армии, убивал коммунистов, что сам Ника бежал от красных к Колчаку…

Абсурдность всех пунктов обвинения была очевидна, но на то и существует демагогия, чтобы белое выдавать за черное, а черное за белое. Увы, комсомольский аппарат, даже в микромодели первичной ячейки, уже успешно овладевал методами проворачивания так называемых «персональных дел».

Сильный и чистый молодой человек, Ника был готов к любым испытаниям, но только не к испытанию подлостью. Он не понимал, что юные карьеристы не нуждаются в прояснении истины, что они уже предрешили исход дела.

Ника обращается за поддержкой в коммуну. Вскоре в техникум поступил такой документ:

> *«Выписка из протокола № 4 общего собрания ячейки ВКП(б) коммуны „Красный пахарь“ от 18 ноября 1929 года.*
>
> *Присутствовало 10 человек.*
>
> *Председатель собрания Бычков, секретарь Желнин.*
>
> *Слушали: письмо тов. Кузнецова Никанора Ивановича, члена коммуны „Красный пахарь“.*
>
> *Постановили: зачитав письмо тов. Кузнецова, ячейка дает характеристику Кузнецову. За время его пребывания в коммуне никаких противопартийных поступков замечено не было, всю возложенную на него работу выполнял аккуратно и в срок, вел общественную и политпросветработу, в пьянке не замечен, связи с чуждым элементом не было, комсомолец примерный, на что и дается характеристика. Относительно его отца ячейке ничего не известно, и от этого она воздерживается.*
>
> *Выписка верна. Секретарь собрания Желнин.*
>
> *Отв. секретарь ячейки ВКП(б) Субботко».*

Прислала справку Рухловского сельсовета Талицкого района Тюменского округа и мать Никоши:

> *«Дана настоящая гр-ке Кузнецовой Анне Петровне в том, что ее муж Кузнецов Иван Павлович при жизни своей занимался исключительно сельским хозяйством, торговлей не занимался и наемной силы не эксплуатировал».*

Но суровое комсомольское следствие не нуждалось ни в этом документе, ни в каких-либо других. В том числе бесспорном официальном свидетельстве, что отец Кузнецова служил вовсе не в белой, а в Красной Армии.

В декабре 1929 года Ника Кузнецов, как выходец из семьи антисоветского «чуждого нам элемента, от которого мы очищаем комсомол», был исключен из ВЛКСМ. Более того, по настоянию бюро ячейки его поспешно отчислили и из техникума – всего за полгода до окончания. На руки вместо диплома дали филькину грамоту – справку о прослушанных предметах и производственной практике.

Кузнецов не сдается. Он пишет в окружную контрольную комиссию ВЛКСМ:

> *«Ошибка, что я якобы скрыл, что сын кулака, участвовавшего в арестах и убийствах коммунистов. На собрании не слушали – бюро и сразу РК. Не дали представить оправдательные документы.*
>
> *Отец – зажиточный крестьянин, после революции середняк. После свержения царя отец избран председателем Зырянского сельского общества. Служил до 8 июля 1919. До переворота за 3 недели отец взял семью и спрятал в лесу за 40 верст неподалеку от Сибирского тракта. Белые нашли, взяли с телегами 3 лошади и угнали.*
>
> *Вернулся 15 июля 1920 года из Красной Армии, где служил добровольцем (44 года).*
>
> *Ни коровы, ни лошади не было…»*

Особенно тяжело переживал Ника, что к нему прилепили ярлык «негодного элемента»:

> *«Марка негодного – как кол в горло, забудешься, начнешь говорить, вспомнишь, и слово с языка не идет».*

Он направляет заявление и в ЦК ВЛКСМ. Возмущенно указывает, что это сущее головотяпство – ставить ему в вину, что он в восемь лет последовал за отцом…

Нужна была недюжинная сила воли, чтобы выстоять, не впасть в отчаяние, не озлобиться, не растерять веры в людей и людскую справедливость.

Кузнецов выстоял. Доказательство тому – вся его последующая жизнь. Но что ему оставалось делать тогда, в декабре 1929 года, когда, казалось, все рухнуло?

Решение подсказал, как оно часто бывает, случай. В ТЛТ учился Ваня Исыпов, по национальности коми-пермяк. У Вани была своя беда – его необоснованно лишили стипендии, и он, как и Ника, бился за восстановление справедливости. Вместе они ездили в Свердловск, где Ване удалось найти какой-то заработок. Исыпов два лета подряд проходил практику на своей родине, в лесоустроительной партии Коми-Пермяцкого окружного землеуправления. Он-то и рассказал Нике, что в Кудымкаре позарез нужны специалисты по лесному делу, уверял, что его могут взять на работу и без диплома, по справке об окончании двух с половиной курсов ТЛТ.

Так оно и оказалось. Проработав несколько месяцев дома, в коммуне, Ника Кузнецов отправился в столицу Коми-Пермяцкого национального округа город Кудымкар, где 20 апреля 1930 года был зачислен на скромную должность помощника таксатора в местном земельном управлении.

Так закончилась юность Николая Кузнецова. Началась взрослая жизнь.

Глава 3

В тридцатом году семья Кузнецовых навсегда распростилась с родной деревней. Возможно, учитывая последующие события на селе и судьбы крестьянства, оно было и к лучшему. Первой уехала старшая сестра Гася – учительствовать под Тобольск. Затем, как мы знаем, Ника. За ним последовала сестра Лидия, она устроилась секретарем Больше-Ефремовского сельсовета того же Талицкого района. Некоторое время оставались дома Анна Петровна и Виктор, работавший трактористом.

Но тут, в связи с начавшейся сплошной коллективизацией, по команде сверху коммуну «Красный пахарь» расформировали, вместо нее на этих землях образовали зачем-то два колхоза: «Большевик» и имени Энгельса. В этой реформации Виктору что-то здорово не понравилось. А потому он, забрав с собой мать, перебрался в поселок при станции Поклевская, где устроился на лесопильный завод.

Еще через год Лидия и Виктор окончательно утратили связь с селом, поселившись в бурно развивавшемся Свердловске. Сестра, закончив курсы, стала работать делопроизводителем-машинисткой на мебельном комбинате, брат – трактористом на строительстве Уралмаша.

Сохранилось одно из писем Ники Анне Петровне и Виктору, отправленных вскорости после обоснования в Кудымкаре:

«Здравствуйте, мои родные мама и Витя!

У меня дела идут хорошо. Работаю помощником таксатора в окружном земельном управлении. Работа нравится. Люди хорошие, по национальности коми-пермяки. Начал изучать язык коми. Очень своеобразный. Не похож ни на какие европейские языки. Уже немного разговариваю. Снял комнату, купил небольшой книжный шкаф, но он еще почти пустой. Понемногу начинаю заполнять. Купил несколько книг Горького, томик Маяковского, один том произведений Гете на немецком.

Витя, приезжай ко мне погостить. Посмотришь городок, повидаемся, поговорим о будущем; увидишь, как я работаю. Ехать нужно до Перми поездом, дальше пароходом по Каме до пристани Усть-Пожва. От нее, братец, пешочком или подводой, если посчастливится, до Кудымкара.

Мама, отпусти Витю ко мне. Дорожные расходы поделим по-братски. Труднее, пожалуй, ему будет отпроситься с работы, но думаю, что отпуск на семь – десять дней ему дадут.

Чуть не каждый день захожу в райком комсомола, а для меня пока ничего нет.

До свидания, дорогие. Ваш сын и брат Ника».

Такое вот, еще по-деревенски обстоятельное и уважительное письмо. Небольшое по объему, но сообщающее много о характере и интересах отправителя. Заметьте, что первое, о чем пишет Ника, – не о здоровье, не о жилищных условиях, даже не о жалованье, – но о работе. И брату, приглашая погостить, пишет не «посмотришь, как я живу» или «как устроился», что было бы совершенно естественно, но – «увидишь, как я работаю».

Второе – огромное уважение и подлинная симпатия к малочисленному народу коми-пермякам, коих и сегодня насчитывается всего-то около ста пятидесяти тысяч человек. Ничего похожего на великорусское высокомерие. Наоборот, с первых же дней активное изучение своеобразного и, добавим от себя, очень трудного языка. Скольких межнациональных конфликтов могли бы избежать наши соотечественники, живущие среди других народов, если бы не считали, что поступаются принципами, запоминая хоть десяток-другой слов на местном языке!

Далее – на первые заработанные на новом месте деньги, надо полагать, не Бог весть какие, Ника покупает не одежду или обувь, а книжный шкаф и книги. В том числе томик Гете на языке оригинала.

Фотография Николая Кузнецова, сделанная в 1930 году перед отъездом на работу в Кудымкар.

И, наконец, последнее. Важное и очень серьезное. Ника сообщает родным, что до сих пор нет ответа, положительного, на его письма во все более и более высокие комсомольские инстанции. Еще 30 марта он написал в окружной комитет комсомола:

> *«Прошу сообщить результат моего дела о восстановлении в ряды ВЛКСМ. Запросите характеристику в РК Талицы и партячейку нашей коммуны. Пожалуйста, поторопитесь с решением, а то трудно ждать».*

Глухо…

Почти что в отчаянии уже перед самым отъездом в Кудымкар Кузнецов пишет в Москву, секретарю Центрального Комитета ВЛКСМ:

> *«Сейчас, смотри мою психологию, считаю, что ленинец, энергии и веры в победу хватит, а меня считают социально чуждым за то, что отец был зажиточный… Головотяпство и больше ничего. Я с 13 мая 1929 года, когда у нас о коллективизации еще и не говорили, вступил в коммуну в соседнем сельском Совете, за две версты от нашей деревни. А сейчас район сплошной коллективизации. Работаю и сейчас в коммуне… руковожу комсомольской политшколой (!) и беспартийный, обидно. В окр. КК дело обо мне не разрешено, не знаю, долго ли еще так будут тянуть. У нас сейчас жарко, работы хватит, кулака ликвидировали, коллективизация на 88 процентов всего населения. Посевкампания в разгаре, ремонтируем, сортируем… Знай, что я КСМ в душе, не сдам позиции».*

В Зырянке Ника ответа на этот крик своей души не получил. Напрасно ходил он в райком и весь первый год жизни в Кудымкаре.

А Виктор таки навестил брата в его кудымкарской квартире в доме 33 по Пермяцкой улице, живописно сбегающей к речке Иньве. Пробыл неделю.

Есть некоторые основания полагать, что за все годы жизни в Кудымкаре Николай Кузнецов лишь единожды – в феврале 1932 года – приезжал в отпуск в Свердловск. Сохранилась фотография Николая с Виктором и Лидией, сделанная в тот приезд.

Кузнецов был и прав, и не прав, когда писал брату, что коми-пермяцкий не похож ни на один европейский язык. В самом деле – уральский юноша мог иметь представление о звучании славянских, немецкого, английского, французского, итальянского языков. Между тем коми-пермяцкий принадлежит к угро-финской группе. В Европе на языках этой группы говорят сравнительно немногочисленные народы: финны, эстонцы, карелы, венгры… Вряд ли Николай мог встречать представителей этих народов у себя в Талице, слышать их речь или видеть письменность.

Предки нынешних коми-пермяков появились на Урале еще в IX веке. В конце XV столетия они вошли в состав Русского государства, были обращены в православие. Занимались в основном земледелием, но развиты были и такие промыслы, как ткачество, обработка дерева, рыболовство, пчеловодство, кузнечное дело.

В 1925 году местное коренное население впервые в своей истории получило государственность: в составе Уральской области был образован Коми-Пермяцкий национальный округ (ныне в составе Пермской области) с центром в Кудымкаре. Это был первый национальный округ в СССР вообще.

Нынешний Кудымкар впервые упоминается в официальных документах XVI века. В петровские времена весь этот огромный край стал фактически вотчиной знаменитой семьи уральских предпринимателей графов Строгановых. Несколько столетий Кудымкар считался селом, лишь 20 июня 1933 года он получил статус поселка городского типа, а еще через пять лет – и города.

До революции никакой серьезной промышленности в Кудымкаре не существовало. Учебных заведений имелось всего два: городское четырехклассное и женское училища. В 1929 году здесь был открыт лесотехнический, а в 1930-м и сельскохозяйственный техникум. Кудымкар становился настоящим центром лесного и сельского хозяйства, культурной жизни края.

В этом полугороде-полуселе предстояло Кузнецову провести очень важные четыре года своей жизни. Здесь он обрел многое, в том числе – то имя, с которым вошел в историю: Николай.

Как известно, приказом по ОкрЗУ Кузнецов был зачислен на должность 20 апреля, а через две недели он уже выехал в лес и приступил к устройству участков Кудымкарской лесной дачи. В конце июня лесоустроительная партия была разбита на две части. Кузнецова назначили старшим одной из них, под его началом оказались съемщик и практикант, учащийся местного лесотехникума. Следующие два месяца он работал совершенно самостоятельно и ответственно на Мечкорском участке. Порученная ему территория за этот срок была точнехонько поделена на ровные квадраты, изрезана визирными ходами. Затем настал черед собственно таксации. Кузнецов составляет, как положено, описание кварталов, определяет состав лесонасаждений и их запас.

Потом группа перешла на Лекубский участок, и тут, надо же случиться, заболел серьезно съемщик. Кузнецову пришлось одному устроить около двух тысяч гектаров. Завершал эту работу уже по снегу.

В следующем, 1931 году партия Кузнецова за сезон устроила около 14 тысяч гектаров лесных угодий.

В ноябре 1931 года на несколько дней Кузнецов выезжал в первую в своей жизни командировку, в областное управление лесов местного значения. По возвращении в Кудымкар Кузнецову пришлось, как говорится, хватить лиха. И дело не только в том, что из-за нехватки рабочих рук ему самому каждодневно приходилось браться за топор и мерную ленту. Но ноябрь в этих краях – уже лютая зима. Работали в морозы, отогревались у костра, тут же отрабатывали и записи.

Примечательно, что, вернувшись в город, Кузнецов счел первоочередным долгом представить к премиям двух своих рабочих. Содержание и форма сохранившегося документа донесли до нас дух того времени:

> *«Считаю необходимым премирование практиканта-съемщика выдвиженца Мелентьева А. П. за ударную работу в полевой период с.г. Работа производилась в исключительно тяжелых условиях (снятие со снабжения, задержка прод. нормы, кризис в рабочей силе, без полной спец. одежды и т. д.), т. Мелентьев показал себя способным к работе в ударном порядке, несмотря на эти трудности. Предлагаю Мелентьеву дать костюм за 50 рублей. Старшему рабочему Чугаеву И. В. за эту же работу предлагаю выдать брюки за 30 рублей.*
>
> *Таксатор 2-й партии Н. Кузнецов».*

Докладная записка была одобрена, и оба рабочих заслуженные премии получили.

П. Ф. Мелентьев, односельчанин упомянутого выше А. П. Мелентьева, через много лет вспоминал:

> *«В моей памяти навсегда остался случай, когда я нечаянно рубанул топором по ноге. Кузнецов весь день был с нами. Он оказал мне первую помощь, разорвал свою рубашку на ленты, перевязал мне рану, вынес меня на себе из лесной чащи на поляну, где находилась наша стоянка, привел лошадь. На ней довез до Кондовки, откуда на другой лошади отправил меня с запиской в Кувинскую больницу, а сам вернулся в лес, помочь Максиму прорубить все остальные визиры. Когда я болел, Кузнецов несколько раз навещал меня… Тогда мне шел всего лишь четырнадцатый год».*

Наконец-то завершилась двухлетняя борьба Николая за восстановление в ВЛКСМ. Только 19 ноября 1931 года президиум Уральской областной конфликтной комиссии ВЛКСМ (протокол № 35) рассмотрел заявление Кузнецова Н. И.:

> *«…в комсомоле с 1926 г., сын зажиточного крестьянина, сам служащий. Работает в Коми-Пермяцком округе лесозаготовителем. Исключен Талицким райкомом за скрытие социального происхождения, как сын кулака, участника белой банды. Кузнецовым Н. И. представлены документы, опровергающие это обвинение».*

Далее формулировалось: учитывая, что предъявленное Кузнецову Н. И. обвинение не доказано – отец был в Красной Армии, – решение об исключении отменено. В комсомоле Кузнецов Н. И. восстановлен.

В характере Кузнецова странным образом сочеталась расположенность к людям, способность легко, но без навязчивости завязывать знакомства, с определенной внутренней скрытностью, даже замкнутостью. Во всяком случае, есть основания полагать, что он ничего не рассказывал и не писал родным об одном очень важном событии в своей личной жизни…

Вскоре по приезде в Кудымкар Кузнецов познакомился с сестрой хирургического отделения окружной больницы Леной Чугаевой. Девушка закончила Пермский медицинский техни-

кум в январе 1930 года и приехала по распределению в Кудымкар на несколько недель раньше Кузнецова.

В небольшом городке они оказались в тесном кругу молодых специалистов, более того, однокурсница Лены была женой сослуживца Николая.

Лена Чугаева была секретарем комсомольской ячейки больницы и приняла живое участие в хлопотах Ники по восстановлению в ВЛКСМ. Товарищеские отношения сами собой переросли в иные, более близкие.

2 декабря 1930 года в местном загсе был зарегистрирован брак Чугаевой Елены Петровны с Кузнецовым Николаем Ивановичем.

Да-да, не Никанором, а именно Николаем. Эта запись – первое официальное упоминание Кузнецова как Николая. К сожалению, записи о перемене имени в архивах Кудымкарского загса не обнаружено. Не исключено, что таковой никогда и не совершалось. В беспаспортные времена такого рода самодеятельные поправки в документах были делом несложным и достаточно распространенным.

Молодые поселились на частной квартире у Татьяны Николаевны Суворовой на улице Ленина, 22. Но прожили вместе всего несколько месяцев. В феврале 1931 года внезапно и необъяснимо для многих знакомых семья распалась, и 4 марта брак был расторгнут. Как водится, точным объяснением случившегося мы не располагаем. Мнения общих друзей разделились. Одни считали виновником разрыва Николая, другие – Лену. Их пытались примирить – безуспешно. Вскоре Лена уехала из Кудымкара…

Кудымкарский краевед Г. К. Конин спустя несколько десятилетий разыскал Е. П. Чугаеву (ныне покойную) и встретился с ней. Выяснилось, что впоследствии она закончила медицинский институт в Перми, долгое время служила военным врачом на Дальнем Востоке. Последние годы жизни провела в Алма-Ате. И никогда никому не рассказывала, что в далекой молодости была женой легендарного разведчика. Заслуживает внимания, что Николай Кузнецов тоже никогда и никому не рассказывал, что был женат.

Это обоюдное молчание может означать многое. А может – и не объяснять вовсе ничего. Что скрывается за ним, мы, скорее всего, так никогда и не узнаем. Да и не нужно узнавать. Пусть эта тайна и останется тайной двух уже давно ушедших из жизни людей…

Жизнь в Кудымкаре Николаю нравилась. Отношение окружающих – куда уж лучше. Грамотных работников в отдаленных, глухих местностях, каким считался Коми-Пермяцкий округ, тогда не хватало, и каждого дельного человека старались использовать со стопроцентной отдачей его способностей и энергии, не говоря уже о знаниях.

Кроме основной работы Николай непрестанно выполняет задания исполкома в проведении различных сельскохозяйственных кампаний. Изъездил, исколесил, пешком обошел за первые же два года не только прилегающие к Кудымкару места, но и территорию всего округа, до самых дремучих его углов. В частых разъездах Кузнецову пришлось встречаться со многими людьми, оказавшимися на коми-пермяцкой земле не по своей воле. Сюда в начале тридцатых годов были высланы тысячи крестьянских семей из разных областей Украины и Белоруссии. Селили их в самых дремучих местах Гайнского, Косинского и Кочевского районов. Приезжие обживались в безлюдных местах, рыли землянки, возводили бараки, заготовляли лес. Условия их существования были крайне тяжелыми, порой невыносимыми. От эпидемий вымирали подчас целые поселения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.